

Красный ей к лицу

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Светлана Яргер

Светлана Яргер

Красный ей к лицу

<https://litres.ru/74081916>

SelfPub; 2026

Аннотация

Красные туфли, которые она не решалась купить. Красный шарф, спрятанный от чужих взглядов. Красная помада, которую слишком долго считали неприличной.

Всю жизнь Кате объясняли, какой должна быть правильная женщина. Но чем сильнее она старалась соответствовать чужим ожиданиям, тем дальше уходила от себя.

После болезненного расставания Катя начинает жизнь заново и превращается в Катерину — женщину, которая больше не спрашивает разрешения. Однако за внешней уверенностью скрываются старые страхи, а за умением управлять мужчинами — отчаянная потребность быть любимой и принятой.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Светлана Яргер

Красный ей к лицу

Глава 1

Он снял с неё красную туфельку и поцеловал подъем стопы. Катерина удовлетворенно замычала. Немного позитивного подкрепления мужику не помешает, слишком долго она его окучивала. А сейчас она управляет процессом и реакцией, не он. В кабинете было темно, лишь в окно светили громадины-высотки. Сидя на краю стола в расстегнутой блузке, которая настойчиво сползала с плеча, она смотрела на брюнета у своих ног. Она любила темненьких. Затем откинула голову и довольно улыбнулась.

Да уж, пришлось очень постараться, чтобы заманить его в ловушку. Он сопротивлялся как мог, но Катерина привыкла достигать целей. А сейчас её целью было изучить свои возможности управлять мужчинами через тело. Через её прекрасное тело. Через секс и сексуальность. Когда-то её называли бревном, а теперь стонут у её ног. Приятно.

Губы поползли выше, скользнули по коленке, затем она почувствовала горячий язык во впадине.

— Детка, становится горячо!

В ответ — довольный мужской смешок.

— То ли еще будет, кошечка.

Кошечка? А он хорошо разогрелся.

Катерина чуть наклонила голову, наблюдая, как он задерживает внимание на её дыхании и движениях тела. Хочет доставить удовольствие. Интересно, что люди всегда думают, будто управляют ситуацией, когда всего лишь получают правильные сигналы. Как сейчас.

Он засунул большие пальцы под край бордовой обтягивающей юбки, и тонкая ткань, шелестя, поползла вверх. Его рот продолжал путешествие по её бедрам. Она почувствовала, как потяжелел низ живота. Неплохо.

Ещё минуту он описывал круги и зигзаги по внутренней поверхности бедра, по позвоночнику бегали чертовски приятные мурашки. Катерина нащупала рядом с собой маленькую квадратную упаковку. Предохранение — незыблемое правило. Её правило. По-другому никак, как бы она ни хотела мужчину. Это была последняя здравая мысль в голове, а потом огоньки в окне поплыли — и она вместе с ними.

Когда всё закончилось, Катерина обессиленно растянута на столе. Было не очень удобно — на лопатки давило, но в моменте очень хорошо. Она скосила глаза на спарринг-партнёра. Он расслабленно развалился в кресле, галстук сбился набок, рубашка помялась. Судя по лицу — захочет ещё. Эксперимент удался. Единственно, тело до сих пор включалось слишком медленно. Но по сравнению с тем, что

было раньше, грех жаловаться.

Она лениво провела пальцем по его запястью:

— Ммм... а ты умеешь удивлять.

Ещё одно подкрепление точно не помешает. Он довольно улыбнулся. Хороший мальчик. Реагирует правильно.

Удовольствие спало, и спине стало жестко. Надо попросить в кабинет диванчик. В её кабинет, потому что она работала здесь психиатром, а мужчина, который недавно пытался между этих красивых ног, владел клиником.

— Есть мужья, а есть ебари! Поняла?

Катя сжалась в углу, пока отец махал кулаками над её головой. Сначала она не поняла, почему его понесло, ведь не делала ничего плохого. Просто целовалась с мальчиком. Родители отпустили её к родственникам в деревню на выходные. Куча братьев-сестер, вечерняя дискотека и немного самогона, стыренного у двоюродного деда. Как-то незаметно она и один из парней отделились от веселой компании и ушли далеко вперед. Когда их мягко накрыла темнота, парнишка зажал её у воротины и поцеловал. Стыдно сказать, ей было уже семнадцать, а с мальчиками она еще даже близко не встречалась. Все подружки уже дружили вовсю, некоторые продвинулись куда дальше, а она вот так, ходила еще нецелованная. Удручало её это, конечно, ужасно.

Растерялась она знатно, застыла как истукан, а благородный джентльмен отстранился, пробурчал: «Что за бревно!»

— и нарисовал сквозняк. Это было обидно вдвойне. Мечтала о принце, который её спасет, а потом нежно поцелует, а получила что-то мокрое и слюнявое от недовольного парня. Ещё и отец соль сыпет на незаживающую рану.

— Ты поняла-а-а?

— Да, папа, я поняла, — пришлось покорно махнуть головой, — я поняла, больше такого не повторится.

— Чтоб больше мне родня не втирала, что я шлюху рашу. Знать его не знаешь, а уже под заборами тискаешься. Не позволю!

Да, папа, больше такого не повторится. В следующий раз она будет шифроваться гораздо лучше.

На этом её страдания не закончились.

— Катерина, иди сюда! — голос отца выдернул её из уютных мечтаний. Лёжа на диване, она предавалась фантазиям о том, как закончит школу, потом универ, выйдет замуж за заботливого мужчину и они будут жить счастливо душа в душу.

— Иду, папа, — тон ей не понравился от слова совсем.

— Одевайся, поедem к врачу.

— Какому врачу?

— Здоровье проверить надо.

— Я не болею.

— Собирайся, сказал надо, значит надо, — он хмурился, и она не понимала, что опять сделала не так.

Но с папой в их семье никто не спорил — ни она, ни ма-

ма. Они быстро оделись, загрузились в машину и поехали. Мимо пролетали деревья, остановки, светофоры. Ни одной поликлиники в этих краях Катя не знала. Тревога заставляла сердце биться чаще. Приехали. Вышли. Серое неприветливое здание. Что за заведение, прочитать не успела. Сели возле кабинета.

«Венеролог», — гласила холодная табличка. Что, млять? — Зачем мы сюда приехали?

— Надо. Заходи, — он подтолкнул её к кабинету.

В кабинете Катя ощущала на себе руки в противных перчатках, пытаясь не чувствовать тело и мысленно быть не здесь. Врач была грубая, как будто заранее обвиняя и наказывая.

— Половая жизнь со сколько лет?

— Какая жизнь? — от стыда хотелось залезть под плинтус.

— Господи, с мальчиками со сколько спишь?

— Не сплю я с мальчиками!

— Ага, все вы такие!

— Честно не сплю, — глаза начинало щипать.

— Чего тогда здесь делаешь?

— У родителей спрашивайте, — зашипало и нос.

Катя чувствовала себя грязной, мерзкой и преданной. Обида сводила челюсть, но высказывать было нельзя. Вышла молча и с застывшим лицом пошла к выходу. Отец так же молча подал ключ от машины и остался разговаривать с вра-

чом. Мама стояла в стороне и не участвовала. Она всегда только смотрела, так было удобно. Всё решал папа, папа же всё и контролировал. Его мнение всегда было важнее. Он всегда знал, как правильное.

Катя села в машину и начала глотать слезы. Злость разливалась по телу и жгла грудь. Предатели, ненавижу. Ненавижу до луны и обратно. Не доверять собственному ребенку. Очень хотелось зарыдать в голос, но рыдать тоже было нельзя. Она высморкалась в рукав, потому что не собиралась реветь и платок с собой не захватила, и сделала каменное лицо. Никому больше доверять не будет. И больше никогда не попадёт к этому врачу. Никогда.

Раздался стук в дверь. Катерина по обычаю пришла чуть раньше на работу и изучала карточки сегодняшних пациентов, день обещал быть несложным.

— Войдите!

— Екатерина Григорьевна, вам обновка в кабинет, — Любочка смущенно улыбнулась, — куда ставить прикажете?
«Прекрасно. Неделя — и диван уже здесь. Старается».

Два дюжих молодца с кряхтением начали протискиваться в проем.

— Вот сюда, ставьте сюда.

Да, этот угол прекрасно подойдет. Она щелкнула замком, затем взяла канцелярский нож и аккуратно сняла пленку с подарка, закрыла глаза и провела рукой по коричневому ко-

жаному диванчику. Катерина обожала изучать этот мир через подушечки пальцев. Рука почувствовала мягкое тепло, от нежной шершавости от пальцев к плечу побежали мурашки. Как тогда.

Села. Удобно. Легла. Еще удобнее. Взяла ноут со стола, пожалуй, поработает немного здесь.

— Кошечка, ты довольна? — в мессенджере высветилось сообщение.

— Кошечка очень довольна. Ты умеешь доставлять женщинам удовольствие. Здесь очень мягко и уютно, так бы и сидела все приемы, погрузившись в эту мягкость, вместо неудобных кресел, — улыбочка в конце сообщения.

— Катюша! У меня важная встреча, не соблазняй!

— Ну как хочешь. До скорых встреч.

— Буду ждать с нетерпением.

Кто бы сомневался, конечно будет.

Артур Эдуардович вошёл без стука и замер на пороге.

— Ты уже обжила подарок, — сказал он, разглядывая её.

Она лежала на диване, скинув туфли, и листала что-то в телефоне. Блузка чуть задралась, юбка сползла. Никто не видит. И очень удобно.

— Обжила, — Катерина отложила телефон и потянулась, чувствуя, как ткань натягивается на груди. — Прекрасный диван. Мягкий. Глубокий. И пахнет кожей. Люблю запах кожи.

Он подошёл ближе.

— Все уже ушли.

— Я знаю, — она улыбнулась уголком рта. — Именно поэтому я ещё здесь.

Он сел на край дивана, затем нежно положил ладонь на её бедро — не настойчиво, пробуя. Она перехватила его руку и провела ею по мягкому животу.

— Я предлагаю проверить диван. На прочность.

— На прочность? — он хмыкнул.

— На мягкость. На удобство. На то, как он скрипит. Или не скрипит. Мне вот очень интересно, а тебе?

Он наклонился и поцеловал её в шею — туда, где бился пульс.

— Ты невозможная женщина, — сказал он тихо.

— Я знаю.

Диван не скрипел. Кожа оказалась приятной к голой спине — она проверила. Он проверил тоже. За окном стемнело, и громадины-высотки светили прямо в кабинет.

Потом Катерина поправляла юбку перед зеркалом в шкафчике, а её любовник сидел, откинувшись на спинку, и смотрел с тем самым выражением лица, от которого она так кайфовала. Сытый. Довольный. На всё готовый.

— Кошечка, — сказал он.

Она обернулась.

— Хороший мальчик, — ответила она.

Он улыбнулся.

Когда они вместе вышли из кабинета, диван выглядел так,

будто на нём просто сидели. Но она-то знала. И он знал. И это было приятнее, чем сам секс, — знать, что в этой клинике у неё есть не только кабинет. У неё есть своя территория.

Глава 2

Свою первую большую любовь Катя встретила, когда училась на третьем курсе меда. К тому моменту уже все её подруги попробовали секс и встречались с парнями, а она так и ходила криво недоцелованная и ждала принца.

Принц её тоже был студентом-заочником и параллельно подрабатывал продавником в крупной компании. Познакомила их большая весенняя студенческая движуха. Всё недавно зазеленело, и народ радостно выбирался тусоваться на природу. Катя помогала организовывать мероприятие, несла огромный поднос с пластиковыми стаканами с водой, споткнулась и эпично растянулась на газоне. Сказать, что это было очень обидно, — ничего не сказать. И как настоящая девочка, начала просто реветь от обиды. На плечо легла чья-то тёплая рука.

— Девушка, всё хорошо?

— Нет, всё просто ужасно-о-о.

— Возьмите платочек, я пока всё соберу.

Когда она смогла что-то увидеть воспалёнными глазами, стаканчики уже стояли на подносе, а молодой человек сидел рядом и внимательно на неё смотрел. Он был немного полноват, но вполне симпатичен. Глаза добрые и интеллигентные. Наверное, чуть старше.

— Успокоились? — в голосе слышалась искренняя заин-

тересованность.

— Да, спасибо. Сейчас ещё немного посижу, не хочу возвращаться с ужасной красной физиономией, — ей было невыносимо стыдно.

— Настоящую красоту ничем не испортишь. Не против, если я рядом посижу?

Катя помахала головой. Ей нравилась эта галантность и забота. Они ещё посидели так минут десять-пятнадцать, абсолютно молча.

— Виталий, — парень дал ей в руки злосчастный поднос, когда она поднялась.

— Катя.

Он спросил её телефон и предложил вечером погулять. Затем удалился так же тихо, как и появился.

Вечером кавалер подарил ей розу и повёл гулять в парк. Они разговаривали о высоком, мировом и немного о себе. Катя чувствовала себя чуть смущённо, отчаянно хотела понравиться, но не понимала как. Месяц они гуляли, ходили на выставки, в театры. Он был серьёзный, основательный — настоящий будущий муж. И она ждала. Ждала того самого момента, когда он наконец решится её поцеловать.

В тот вечер в парке было тихо и спокойно. Фонари уже зажглись, мягко подсвечивая аллеи и редких прохожих. Виталик шёл рядом, говорил что-то про учёбу, про работу, про то, как важно «не упустить момент». Катя ела мороженое, кивала, делала вид, что слушает внимательно, а сама ловила

себя на странной мысли: почему у других всё как в кино, а у неё — как на лекции?

Стало скучно, и она решилась на провокацию — начала фигурно облизывать мороженое. Может, хоть это его как-то отвлечёт от умной нудятины. Он замолчал на полуслове. Посмотрел на неё как-то иначе — не так, как смотрел весь этот месяц. Внимательно и задумчиво. Как будто решал какую-то сложную задачу. Когда от десерта осталась одна палочка, Виталик остановился у лавочки, будто случайно.

— Посидим?

— Давай, — сказала она.

Они сели. Слишком много пространства между ними. Виталик пододвинулся ближе.

— Ты сегодня какая-то тихая.

— Просто устала, — пожала плечами Катя.

— Понимаю.

И снова пауза. Он чуть наклонился ближе. Она заметила это раньше, чем почувствовала. Тело напряглось, сердце заколотилось.

— Катя... — сказал он тише.

Она посмотрела на него. Он явно решался.

И тогда он мягко взял её за подбородок и поцеловал.

Не резко, не уверенно до конца — скорее осторожно. Она не отстранилась и не приблизилась.

Поцелуй был правильным. Аккуратным. Тёплым, корот-

ким, без лишнего.

И где-то в те секунды, наверное, полагалось что-то почувствовать: вспышку, дрожь, те самые «бабочки», о которых пишут в книгах. Но внутри было спокойно.

Он чуть нервно отстранился, заглянул в лицо.

— Ты пахнешь мороженым, — сказал он тихо.

Катя покраснела.

Мужчина поцеловал её ещё раз — гораздо смелее. Стало тепло. Не горячо, просто тепло. Сердце поднялось в горло, от волнения онемели руки. Но... бабочки так и не прилетели. Может, она просто такая и не создана для бабочек?

Потом он взял её за руку и повёл дальше по аллее. Что-то оживлённо рассказывал, уже привычно жестикулируя. Кажется, про лето, про планы, про то, как будет правильно распределить время.

И она вдруг очень ясно представила это лето. Как они гуляют, ходят в парк, встречаются, целуются вот так. Ей даже стало немного спокойно от этой мысли. Не любовь-кино, конечно. Но, может, так и должно быть. Они и лето... Она улыбнулась.

Тогда Катя ещё не знала, что у Виталика слово «мы» немного шире, чем кажется.

В него легко помещается кто-то третий. А иногда этот третий оказывается главным.

Сначала он просто говорил о ней вскользь — «мама просила», «мама сказала», «мы с мамой решили». Катя не при-

давала значения. Мало ли, заботливый сын, всякое бывает.

Потом поняла: всякое бывает, но не всякое хочется принимать. Не всякое и не всяких.

Мама у Виталика была достаточно молода — чуть-чуть за сорок. Казалось бы, живи да живи, но Маргарита Ивановна посвятила свою жизнь воспитанию сына. Со вторым родителем у них не срослось, законная жена помешала. И Виталья с молоком впитал, что за такие страдания материнские он теперь по гроб жизни обязан.

— Катенька, расскажите о себе, — потенциальная све-кровь смотрела на неё поверх кружки с чаем, когда спустя полтора месяца после знакомства Катя была приглашена в семейство на знакомство.

— Учусь в меде, заканчиваю третий курс.

— Кем будете?

— Психиатром.

Женщина сморщила нос.

— Ужасная какая-то работа — с психами общаться.

«На себя посмотри, королева», — Катя сжала челюсть и натянуто улыбнулась.

— Вот Виталик у нас перспективный жених: закончит универ, станет инженером, да и спортсмен в прошлом. Не пьёт, не курит, идеальный мужчина. Такого мужчину ещё надо заслужить.

— Ну мама! Не преувеличивай, — парень махнул рукой, но было видно, что ему очень приятна материнская похвала

и он считает точно так же.

— А что «мама»? Я правду говорю. Ты у меня золото: и домом занимаешься, и на даче всю мужскую работу выполняешь. Опора для мамы, я без тебя, сынок, уже и не справлюсь!

— Ну конечно, как не помогать, ты всю жизнь мне посвятила, мама.

Она повернулась к Кате:

— Ах да, летом выходные и отпуск мы проводим на даче. Это наша семейная традиция. Виталья помогает с огородом, с домом. Теперь и помощница у него будет. Надеюсь, Катенька, вы тоже любите природу? Свежий воздух, грядки — что может быть лучше для будущего врача?

Какая дача, зачем ей это в двадцать лет? Ей своей насильно хватило за глаза. Катя открыла рот, но Маргарита Ивановна уже переключилась на сына:

— Виталья, покажешь Кате нашу дачу в субботу? Июнь начался. А то уже несколько выходных прогулял.

Повернувшись к Витале, Катя вопросительно подняла брови. Бедолага посмотрел на неё виновато, но промолчал. А она вдруг поняла: на дачу они будут ездить. Всё лето. Каждые выходные.

Она сидела с чашкой чая и впервые за вечер подумала: а за кого она, собственно, собирается замуж — за Виталика или за них двоих? Челюсть сжалась от злости, пальцы бесильно сжали кружку, но что-то подсказывало, что спорить

здесь бесполезно.

Дачу он ей показал, дача ей не понравилась. Так же сильно, как и нотации Маргариты Ивановны. Так же сильно, как и она сама, собственно.

Ещё через месяц прогулок они оказались у Витали дома. Мама уехала на дачу с подругой, поэтому Виталя ей там был не нужен, и квартира приглашала их заняться чем-нибудь этаким. «Наконец-то я стану женщиной», — мечтательно подумала Катя, и будет млеть и стонать от удовольствия, как показывали в фильмах, которые она тайком смотрела на ночных платных каналах.

Её идеальный мужчина раздевал её мучительно долго, она дрожала то ли от страха, то ли от напряжения, то ли от предвкушения. Губы начали своё путешествие от мочки уха и опускались всё ниже и ниже: шея, грудь, дорожка поцелуев вниз по животу, язык в пупке. Когда он достиг цели, у неё дыхание перехватило, и она вспыхнула одновременно от стыда и от удовольствия. Становилось жарче и приятнее. Виталя оторвался от неё, надел резинку и посмотрел ей в глаза. Сердце ускорилося. Морально она уже была готова стать настоящей женщиной, но сначала ей было больно, а потом никак. Вот к этому она точно была не готова. Лежала, замерев, и пыталась нащупать, где же это, от которого все нормальные женщины извиваются в постели, но его не было. Виталик двигался и кряхтел от удовольствия.

— Милая, тебе нравится?

— Ну да, нравится, — соврала она, нельзя расстраивать любимого, — ты у меня такая скромница, даже в постели.

Может, она действительно деревянное бревно?

Он ускорился, засопел ещё сильнее, и через пять минут всё закончилось. Её придавило тяжёлым телом, она лежала, слушала, как успокаивается дыхание её мужчины, потом начала аккуратно выбираться из-под него.

— Ты куда?

— Милый, я в душ.

Сидя под горячими струями воды, Катя начала рыдать от обиды. Чертовски неприятно было чувствовать себя бракованной бабой. Может, это первый раз просто такое, нужно больше тренироваться. Эта мысль грела, иначе она не знала, как дальше жить. До конца жизни смотреть в потолок и думать о побелке, занимаясь сексом с мужем, — что может быть ужаснее? То, что свадьбе быть, она не сомневалась. Виталий относился к ней серьёзно, и его мама её вроде принимала, что было, наверное, самым важным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.